

Станислав Петряшин
«Новый человек»
в этнографическом музее:

МЕЖДУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИМ СОДЕРЖАНИЕМ
И НАЦИОНАЛЬНОЙ ФОРМОЙ

Stanislav Petriashin

A “New Man” in the Ethnographic Museum: Between the Socialist Content and the National Form

Станислав Петряшин (Российский этнографический музей, отдел этнографии русского народа, научный сотрудник) s-petryashin@yandex.ru.

Stanislav Petriashin (Research Fellow, Department of Ethnography of Russian People, The Russian Museum of Ethnography) s-petryashin@yandex.ru.

Ключевые слова: этнографический музей, стахановское движение, национальная политика, советское искусство, СССР

Key words: ethnographic museum, Stakhanovite movement, nationality policy, Soviet art, USSR

УДК: 39:069(47)

DOI: 10.53953/08696365_2023_181_3_58

UDC: 39:069(47)

DOI: 10.53953/08696365_2023_181_3_58

Во второй половине 1930-х годов этнографическим музеям была навязана задача пропаганды «новых людей». Музейные экспозиции стали местом столкновения новой модели советского человека, задаваемой стахановским движением, и идеологического образа национальной политики. На примере Государственного музея этнографии я показываю, как этнографы решали проблему сочленения при показе «нового человека» национальной формы и социалистического содержания, традиционного времени с марксистским. Анализ музейной репрезентации стахановцев выявил темпоральную дистанцию между «новым человеком» и национальными культурами, вытесненными в сферы дореволюционного быта, советского досуга и воспитания.

In the second half of the 1930s ethnographic museums were obliged to propagandize the “new men”. Museum expositions became a place of encounter of the new model of a Soviet man, developed out of the Stakhanovite movement, and ideological image of nationality policy. Using the example of The State Museum of Ethnography in Leningrad I show how ethnographers tried to reconcile the “national form” and the “socialist content”, traditional and Marxist time in the “new man’s” image. An analysis of museum representation of stakhanovites revealed a temporal distance between a “new man” and national cultures, which were displaced to the spheres of pre-revolutionary everyday life, Soviet leisure and nurture.

В Государственном музее этнографии (далее — ГМЭ) (Ленинград) в 1938 году открылась постоянная выставка «Туркмены в прошлом и настоящем». В тематико-экспозиционном плане задача раздела «Социалистическая Туркмения» формулировалась следующим образом:

...в свете Ленинско-Сталинской национальной политики и Сталинской Конституции ПОКАЗАТЬ — гигантские успехи социалистического строительства на всех участках хозяйственной, политической и культурной жизни Туркмении и на фоне их организовать ПОКАЗ в первую очередь ЧЕЛОВЕКА, человека Сталинской эпохи, длительную и упорную борьбу партии Ленина-Сталина за этого Человека¹.

1 АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 609. Л. 114.

Туркменская выставка — довольно типичная для ГМЭ 1930-х годов — сильно выделялась на фоне этнографических экспозиций Европы и Америки того же времени и более ранних экспозиций российских этнографических музеев. В них обычно показывалась или эволюция человеческой культуры от простых форм к сложным (типологический принцип), или культурная специфика определенных регионов (географический принцип) (см.: [Dias 1994: 165—171; Holmes 1902; Jacknis 1985: 77—83]). Так или иначе, объектами музейной репрезентации всегда становились «архаичные» культуры колониальных обществ и европейских крестьян, живущих вдали от «современности» — городской индустриальной цивилизации² [Fabian 1983]. В советском музее, как показывает пример туркменской выставки, объектом показа была не только традиционная культура народа («туркмены в прошлом»), но и его положение в социалистической современности («в настоящем»). Смысловым центром экспозиции признавался «человек сталинской эпохи». Что это за человек и почему он появился в этнографическом музее?

Во время культурной революции рубежа 1920—1930-х годов советским музеям была навязана задача политического просвещения, пропаганды достижений советской власти, индустриализации и коллективизации [Шангина 1991]. В продолжение этой политики во второй половине 1930-х годов музеи (как и другие сферы медиа) были обязаны прославлять стахановцев как героев сталинской эпохи и советских «новых людей». Со страниц «Советского музея» — официального органа музейного отдела Наркомпроса РСФСР — звучали требования сделать «нового человека» главным элементом экспозиции:

Мы говорили и говорим о показе нового человека. Стахановец и есть тот новый человек, которого воспитала коммунистическая партия большевиков и советская власть. Это нужно показать на конкретных примерах, на определенных людях. Это должно стать стержнем экспозиции отделов социалистического строительства [Комарова 1936: 8—9].

Этнографические музеи, отвечая на вызовы времени, занялись перестройкой экспозиций на основе марксизма. Задача включить стахановцев в «советские» разделы выставок оказалась нетривиальной. Репрезентация социалистического строительства в этнографическом музее выстраивалась как демонстрация достижений национальной политики, в то время как стахановское движение официально подавалось прежде всего как движущая сила экономической модернизации. Стахановцы плохо подходили для показа современной культуры народов СССР: при избытке «социалистического содержания» им не хватало «национальной формы». Пропагандисты представляли «новых людей» предвестниками коммунистического будущего, свободного от национальных границ и предрассудков, экстраординарными личностями, смело бросившими вызов авторитетам и традициям. Пантеон пионеров стахановского движения выстраивался не по национально-территориальному принципу, а по профессиям и отраслям хозяйства: Алексей Стаханов (шахтер), Макар Мазай (сталевар), Дуся Виноградова (ткачиха), Пётр Кривонос (железнодорожник), Паша

2 Только в последней трети XX века на волне движения политической и культурной деколонизации западные этнографические музеи стали постепенно отходить от данных принципов экспонирования и искать новые формы представления своих коллекций [Shelton 2006: 71—79].

Ангелина (трактористка), Мария Демченко (свекловод), Билял Ихласов (буровой рабочий) и т.д.³

Статус стахановца или ударника был особенно привлекателен для людей, страдавших от национальной и гендерной дискриминации, так как позволял активной личности публично противостоять общественным предрассудкам [Рауне 2001: 209—245; Buckley 2006]. Как следствие, «типичными знатными колхозниками стали женщины, часто представительницы какого-нибудь колоритного этнического меньшинства» [Фицпатрик 2001: 305]. Директор Института национальностей СССР С. М. Диманштейн писал, что стахановское движение обеспечит резкий подъем производительности труда и тем самым послужит делу «окончательной ликвидации отсталости» и «фактического неравенства» среди национальностей [Диманштейн 1936: 18]. В этом контексте стахановцы преподносились властями как примеры успешной модернизации «отсталых» окраин — интеграции «нацменов» в советское общество.

Тем не менее этническая специфика стахановцев исчерпывалась появлением на съездах стахановцев и на торжественных вручениях наград в национальных костюмах и чтением докладов на родных языках. Пропагандируемая модель поведения стахановца скорее подталкивала людей к культурной ассимиляции. Они должны были овладеть современной техникой, предложить рационализаторские решения и служить примерами «культурности», которую можно определить как «амальгаму из элементов исторической национальной культуры России и относящихся к коммунистическому циклу идей и образцов поведения» [Timasheff 1946: 354]. Определение стахановцев как «богатырей» в идеологическом дискурсе, по замечанию Л. Сигельбаума, отсылало к былинам, Киевской Руси и имело эксклюзивно «русские» коннотации [Siegelbaum 1988: 148]. Можно сказать, что стахановец работал на слом традиций, в то время как национальная политика их избирательно поддерживала и сохраняла в виде «национальной формы» культуры. Это противоречие требовало своего решения и стало предметом заботы музейных этнографов.

Что представлял собой стахановец в музейной экспозиции? Это был конкретный живой человек, воплощающий в себе, подобно персонажу соцреалистической литературы, типические характеристики стахановца. Именно этот синтез общего и частного сотрудники музеев должны были показывать на выставках. И если с реальными носителями звания стахановца этнографы общались во время экспедиций, то представления о его типических чертах черпались из идеологической литературы, пропагандистских речей и популярных художественных произведений (картин, плакатов, кинофильмов и др.). Весь комплекс официальных постулатов, предписанных норм и ценностей, структурирующих жизнь реальных стахановцев, я буду называть далее идеологическим образом. Отметим, что репрезентация стахановцев в контексте этнографической экспозиции порождала особый музейный вариант его идеологического образа.

Большое значение имело определение стахановца как «нового человека». Понятие «новый человек» всегда подразумевает различие «старого» и «но-

3 Параллельно возникали пантеоны национальных героев, обращенные, однако, не к славному настоящему, но к конструируемому «великому прошлому» того или иного народа. В них входили поэты, ученые, государственные деятели, такие как Шота Руставели, Низами, Навои, Улугбек, Пушкин, Александр Невский и другие (см.: [Бранденбергер 2011; Румянцев 2011]).

вого», специфическое видение прошлого, настоящего и будущего человеческой природы и общества [Krementsov 2021]. Поэтому стахановец в этнографическом музее будет рассматриваться мной с точки зрения темпоральной структуры его идеологического образа: противопоставления стахановца как примера нового социалистического отношения к труду («ростки будущего в настоящем») технической отсталости, устаревшим нормам и отжившим традициям («пережитки прошлого»). Эту общую для всех стахановцев марксистскую темпоральность я дополняю понятием биографического времени, отражающего личные истории конкретных людей. Биография каждого стахановца не только иллюстрировала этот идеологический образ, но и обогащала его частными деталями, делала доступным пониманию широких масс.

Настоящая работа должна ответить на следующие вопросы. Как в этнографическом музее появился «новый человек»? Какое место заняли стахановцы в этнографических экспозициях и как они показывались? Каким образом в музейной репрезентации стахановцев «национальная форма» согласовывалась с «социалистическим содержанием», национальная политика с экономической модернизацией, а прошлое с будущим? Как при показе «новых людей» частное соотносилось с общим, биографическое время с историческим? Эти вопросы решаются на материалах Государственного музея этнографии в Ленинграде второй половины 1930-х годов. В первом разделе статьи раскрываются исторические предпосылки экспонирования в ГМЭ «новых людей». Во втором разделе я рассматриваю основные формы их музейной репрезентации в контексте показа достижений промышленности и сельского хозяйства. В третьем разделе анализируется тема «воспитания новых людей» при экспонировании результатов культурной политики государства. Четвертый раздел посвящен биографии «нового человека» в «фабульных» экскурсиях музея. Наконец, в пятом разделе сравнивается темпоральная структура идеологического образа стахановца в этнографической экспозиции и в известной речи Сталина на совещании рабочих и работников-стахановцев 1935 года.

1. Появление в музее «нового человека»

В 1920-х годах Этнографический отдел Русского музея (с 1934 года — Государственный музей этнографии) включал в себя четыре отделения: этнографии великорусов и финнов (I), этнографии Украины и Белоруссии (II), этнографии Кавказа и Туркестана (III), этнографии народов Сибири и Дальнего Востока (IV). Такую же структуру имела и экспозиция музея. На рубеже 1920—1930-х годов выставки этнографического отдела были раскритикованы по причине их излишней «академичности» и непонятности простому обывателю. Также у музейного начальства вызывало недовольство отсутствие показа классовой борьбы и достижений советской власти в национальном строительстве [Hirsch 2005: 197—211]. Музей должен был перестроить свои экспозиции на основе марксизма и показывать наряду с традиционными доиндустриальными культурами советскую современность. В первую половину 1930-х годов в Этнографическом отделе Русского музея были открыты три экспозиции: «Украинское село до и после Октября» (1931), «Народы Саяно-Алтая в прошлом и настоящем» (1931), «Белорусы и БССР» (1933). Украинская и белорусская вы-

ставки получили критические отзывы [Гаген-Торн 1934; Соловьева 1931], и только алтайскую экспозицию признали успешной [Потапов 1932].

В это время сотрудники музея выработали общую двухчастную модель экспозиции, которой продолжали придерживаться в общих чертах до 1950-х годов. Постоянные выставки, как правило, посвящались одному народу или группе близких народов в рамках отдельной республики или области. В первом разделе экспозиции демонстрация музейных коллекций по стандартным этнографическим рубрикам (занятия, жилище, одежда, обрядность и пр.) дополнялась марксистским подходом, подчеркивающим классовую борьбу и колониальное угнетение. Связующими звеньями между дореволюционной историей и советской современностью на выставках ГМЭ служили темы революций 1905 и 1917 годов, интервенции и Гражданской войны. Второй раздел («советский») на контрасте показывал достижения социалистического строительства, культурный рост и зажиточную жизнь колхозников. До середины 1930-х годов была также актуальна тема классовой борьбы в колхозах. В этом разделе большая часть тем раскрывалась посредством плоскостного «бумажного» материала: фотографий, плакатов, документов, диаграмм, экспликаций. Обстановочные сцены с манекенами порой оформлялись при помощи фабричных вещей, купленных в соседних ленинградских магазинах. Для показа экономических успехов музейные сотрудники в начале 1930-х годов собирали производственные коллекции. Например, в 1932 году в Керчи была приобретена коллекция, иллюстрирующая изготовление чугуна и стали. Она включала в себя фотографии ударников завода в процессе производства и образцы руды, агломерата, известкового камня, скраба, чугуна, стали и др.⁴

К середине 1930-х годов доминирование экономической проблематики при экспонировании социалистического строительства было раскритиковано. Так, авторы редакционной статьи «Советского музея» за 1934 год особое внимание уделили белорусской выставке Этнографического отдела:

Авторы этой выставки ошибочно полагают, что для характеристики социалистического уклада в строительстве Советской Белоруссии достаточно показать пуговичные фабрики, трикотажные и т.п. Они не понимают того, что не самый факт существования таких производств характерен для социалистической Белоруссии, а тот новый быт рабочих и на производстве, и в их общественной жизни, который может существовать только в стране диктатуры пролетариата, строящей социализм. Вот этого нового, социалистического быта, новой советской культуры мы не видим ни в Русском музее в Ленинграде, ни в других музеях. <...> В экспозиции мы не видим того нового человека, которого создает советский строй [На новом этапе 1934: 8—9].

В марте 1934 года Этнографический отдел выделился из Русского музея и стал называться Государственным музеем этнографии [Грусман, Дмитриев 2014: 7]. Изменились и принципы показа советской современности: теперь сотрудники музея стремились подавать успехи социалистического строительства в разрезе производственного, общественного и домашнего быта [Крюкова, Студенецкая 1971: 42]. Первая экспозиция, основанная на новых принципах, — «Узбеки» — была построена в 1935—1937 годах. Опыт был признан удачным,

4 См.: АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 420.

выставка пользовалась популярностью у посетителей и получала положительные отзывы. От прежних экспозиций ее отличало также большое количество красочных обстановочных сцен с живописными панно и диорамами в качестве задников. Для всех выставок второй половины 1930-х годов «Узбеки» стали образцом и точкой отсчета.

Переориентация на быт вскоре была дополнена разворотом к «новому человеку». Важные установки прозвучали на совещании при директоре ГМЭ в марте 1937 года. Заведующий музейным отделом Наркомпроса РСФСР Ф.Я. Кон указал, что при экспонировании социалистического строительства главный акцент следует делать на руководящей роли партии и «новом человеке». Экспозиция, по его мнению, должна была показывать, «как под руководством партии человек, который недавно угнетался, создал свою культуру», и представлять «этапы, через которые воспитался новый человек и был доведен до стахановского движения»⁵.

На том же совещании А.К. Супинский (заведующий отделом Белоруссии) призвал строить советские разделы экспозиций на основе экспедиционного изучения «облика человека, который переродился в быту» — «советского социалистического человека»⁶. Уже в 1936 году он критиковал установившиеся в ГМЭ приемы экспонирования социалистического строительства, «из которого обычно человек либо выпадает вовсе, либо показывается односторонне, только в процессе производства»⁷. Чтобы был возможен показ «новой жизни новых людей», требовалось изменить подход к изучению советской деревни. В процессе подготовки к Северо-Белорусской экспедиции Супинский разработал программу изучения нового быта, в которой ряд вопросов был посвящен «новому человеку». В частности, он планировал исследовать молодежные рассказы о героях социалистического труда, участие в стахановском движении сельских жителей старшего и младшего поколений, их героические поступки⁸.

Летом 1937 года музей был закрыт, а его руководство объявлено «вредителями». Но уже в ноябре, после исправления выявленных на экспозициях «искажений», музей открылся для публики (см.: [Грусман, Дмитриев 2014: 19]). При новом директоре (Е.А. Мильштейне⁹) ГМЭ продолжил развиваться в намеченном ранее направлении. Задача изучения «новых людей» стала важным пунктом в полевых исследованиях музейных этнографов. Для экспедиционной работы выбирались наиболее передовые — «типичные» — объекты (см.: [Петряшин 2018: 153—157]). В своем выборе сотрудники музея полагались на республиканских или областных чиновников и местных работников культуры, которые предоставляли статистические материалы и указывали наиболее экономически успешные районы. Их районные коллеги, в свою очередь, рекомендовали самые зажиточные и культурные колхозы. В них этнографы наконец начинали работать со стахановцами, орденоносцами и пр. Исследователи беседовали с ними, фотографировали, записывали биографии, наблюдали бытовые условия. Материалы про «знатных людей» колхоза собирали также в местных учреждениях культуры, редакциях газет, администрациях

5 АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 599. Л. 23.

6 Там же. Л. 22.

7 АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 568. Л. 2.

8 См.: Там же: Л. 4.

9 О нем подробнее см.: [Долгова 2018].

колхозов. Например, Н.П. Гринкова с коллегами во время экспедиции в Воронежскую область работали с шестью «пятисотниками», добившимися рекордных урожаев сахарной свеклы: «Мы с ними познакомились, произвели фотоснимки, осмотрели поля, где произвели снимки орденосок за работой. Много ценного и интересного для характеристики нового колхозника и нового социалистического отношения к труду сообщили нам эти замечательные девушки» [Гринкова 1937: 17].

2. «Новый человек» за работой

В выставочной работе сотрудники музея начали придерживаться обозначенной выше установки Ф.Я. Кона. Судя по неопубликованному путеводителю 1937 года¹⁰, экспозиция «Русское население черноземных областей» на момент открытия в конце 1936 года практически не показывала «новых людей» и была раскритикована¹¹. После закрытия музея в 1937 году авторы выставки во главе с Н.П. Гринковой насытили ее требуемым материалом, отразившимся в новом путеводителе 1939 года [КППВР 1939].

Экспонирование советской современности можно условно разделить на два подраздела. Согласно логике исторического материализма, первый подраздел представлял экономический базис — сельское хозяйство (в незначительной степени — промышленность), рабочий быт и трудовые подвиги. Второй подраздел заключал в себе «новый быт», образование, здравоохранение, народное творчество, искусство — культурную надстройку. В заключительной части кратко раскрывались темы гражданской обороны, Красной армии и пограничной службы, Конституции 1936 года и выборов в Верховный Совет СССР, подводились общие итоги.

Наиболее полно «новые люди» — стахановцы — показывались в экономическом подразделе. Основной формой их репрезентации были официальные студийные фотопортреты с оплечным или погрудным изображением на нейтральном фоне. Обычно использовался городской европейский костюм, хотя представители союзных республик могли носить национальный костюм. Например, в Средней Азии мужчины нередко представляли в халатах и тибетейках. На груди в качестве важных атрибутов присутствовали ордена Ленина, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», и другие советские награды. Коллективные фотографии обычно показывали «новых людей» на слетах и съездах ударников и стахановцев промышленности и сельского хозяйства.

Рассмотрим подробнее образ «новых людей» в выставочном контексте на примере экспозиции «Русское население черноземных областей». Впервые «новый человек» возникает на щите № 45. В левой части щита были представлены материалы о недавнем прошлом — борьбе с кулаками и религиозными сектами в Воронежской области и решении земельного вопроса в ходе коллективизации. В правой части демонстрировалась счастливая современность, в частности макет «культурного полевого стана», расположенного среди колхозных полей. С его помощью показывались новые производственные и бытовые условия работы колхозников — жилища для ночлега, кухни, колодец,

¹⁰ См.: АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 630.

¹¹ См.: Там же. Д. 566.

радио, ясли для детей и др. (см.: [Там же: 25]). Рядом с макетом были расположены портреты «орденоносцев колхозных полей Воронежской области». Общая идея, видимо, была следующей: царизм порождает «религиозный дурман» и выдвигал вперед кулаков, а советская власть создала новый культурный быт и «новых людей» — передовиков производства, лидеров и бенефициаров социалистического общества.

Щит № 47 был посвящен упоминавшимся выше орденоносцам, вырастившим рекордный урожай сахарной свеклы. Кроме фотографий самих девушек, в том числе и на приеме в Кремле, было представлено письмо Сталину от их родителей, в котором они «выразили большую благодарность за высокую награду, полученную их дочерьми и за счастливую колхозную жизнь» [Там же: 26]. Рядом со щитом с одной стороны располагались материалы о хатах-лабораториях (щит № 46), а с другой — обстановочная сцена, показывающая работы по садоводству в питомнике И.В. Мичурина (сцена № 48). Такое сочетание отсылало к грамотности колхозников, их рациональности и доверию к науке. Вместе с тем в таком контексте рекордные урожаи уже заслуга не лично стахановцев и орденоносцев, но и социалистической науки, научившейся преодолевать эволюционное время и рационально преобразовывать природу [Лысенко, Презент 1935].

Материалы щита № 49 демонстрировали, как воронежские колхозники на основе социалистических методов труда выполнили поставленную Сталиным задачу развития животноводства. Этому трудовому подвигу было посвящено выставленное коллективное письмо от колхозников Сталину. Также были показаны фотографии четырех орденоносцев. В тексте экскурсии, согласно методическим разработкам, следовало проговаривать полное имя каждого колхозника, их профессии и места работы: «Жизнь каждого орденоносца — большой творческий путь, большая любовь к делу, честное отношение к труду»¹². Тему животноводства закрывали материалы о подготовке животноводческих кадров в Зоотехническом институте, техникуме и кружках (см.: [КППВР 1939: 27]). Таким образом, трудовые подвиги «новых людей» вдохновлялись руководством «вождя народов» и подготавливались их образованием в советских учреждениях.

Фотопортреты передовиков производства в этой части экспозиций ГМЭ часто сопровождались публичными письмами Сталину — не только коллективными, но и личными. В экскурсии по выставке «Евреи в царской России и в СССР» (1939) они преподносились следующим образом:

Выражением любви и благодарности за эту счастливую жизнь являются письма колхозников, адресованные т. Сталину, письма знатных людей еврейских национальных районов, в которых колхозники рассказывают о своих завоеваниях в области социалистического труда, в области развития сельского хозяйства¹³.

На экспозиции «Эвенки в прошлом и настоящем» на одном щите умещались материалы о новых культурно-бытовых условиях на промысле («дома промышленника»), фотопортреты стахановцев и их письма. В них стахановцы-охотники благодарили за счастливую жизнь Сталина и рассказывали, «как они

12 АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 694. Л. 7 — 7 об.

13 АРЭМ. Ф. 9. Оп. 3. Д. 5. Л. 23.

охотятся, как повышают свой культурный уровень и как они становятся зажиточными» [КППВЭ 1939: 19].

Портретная галерея стахановцев могла также отражать дружбу народов СССР. В частности, на туркменской экспозиции этой цели служила выставка фотографий «знатных людей» промышленности разных национальностей (туркмены, киргизы, казахи, белуджи и др.)¹⁴. В случае Кольского полуострова фотопортреты, выставленные в особой витрине или сложенные в альбомы на столах в центре залов, иллюстрировали героическую борьбу с природой орденосцев и ударников за полярным кругом¹⁵.

Участие женщин в стахановском движении, в административной и общественной работе показывалось для раскрытия темы женской эмансипации при советской власти. Например, на выставке «Узбеки в прошлом и настоящем» единым комплексом шли снимки, иллюстрирующие борьбу партии и советов за раскрепощение женщин, символическое сжигание паранджи и фотографии делегатки, председателя сельсовета и инициатора стахановского движения¹⁶.

В заключительной части экспозиции, следующей за подразделом о культурном строительстве (см. ниже), показывали «лучших людей страны». Чаще всего это были портреты депутатов в Верховный Совет СССР и партийной верхушки республики или области. Рядом располагались материалы о гражданской обороне и Красной армии, большая экономическая карта региона, барельефы или бюсты Ленина и Сталина — «творца и вдохновителя всех побед»¹⁷. В этой части экспозиций показывалась особая категория «лучших людей», отличающаяся от передовиков производства наличием политической власти и высоким уровнем «сознательности». Вместе со Сталиным и Лениным они олицетворяли партийное руководство страной и заботу мудрых «отцов» о воспитании «сыновей» — стахановцев, чкаловцев и пр. (см.: [Clark 1977: 193]).

3. Культурная жизнь и воспитание «нового человека»

Экспонирование культурного строительства, в отличие от экономики, практически не включало в себя стахановцев. Фотографии яслей и детских садов, школ и библиотек, больниц и санаториев, театров и клубов иллюстрировали тезисы о повышении культурного уровня советских граждан, становлении нового быта и заботе о трудящихся. И если «новые люди» практически не были представлены, то тема их воспитания была заявлена как одна из ключевых. На фотографиях, панно и в обстановочных сценах можно было видеть советских детей разных возрастов — будущих «новых людей». Их воспитанию должны были служить не только государственные институты вроде школы или клуба, но и правильная — «культурная» — домашняя обстановка. Как уже упоминалось, пропагандируемые государством (а также самими стахановцами) формы «культурности» отсылали во многом к нормам буржуазной городской культуры. Узнаваемыми бытовыми воплощениями культурности стали абажуры, скатер-

14 См.: АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 609. Л. 116.

15 АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 497. Л. 29.

16 См.: АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 689. Л. 12.

17 Там же. Л. 15.

ти, занавески, ковры, велосипеды и домашние цветы [Kelly, Volkov 1998: 297—300]. Посредством экспонирования подобных вещных символов ГМЭ должен был демонстрировать возросшую культурность советских граждан.

Показательны интерьеры жилищ колхозников, построенные на всех региональных экспозициях. Как правило, в них располагалась сцена домашней трапезы, собирающей вокруг стола всех членов семьи — от детей до старших родственников. Например, на выставке «Карелия и Кольский полуостров» (1935) был представлен интерьер дома колхозников-саамов: «Большинство саамов живет сейчас в деревянных домах, в сравнительно культурной обстановке. Саамам доступны промышленные изделия и культтовары. Здесь радио, газеты, книги»¹⁸. На той же выставке демонстрировался интерьер дома финского рыбака из с. Белокаменка (колхоз «Северная звезда»):

Благодаря значительным заработкам домашнюю утварь и одежду колхозники приобретают в кооперации. Этим объясняется то обстоятельство, что почти вовсе отсутствуют предметы национальной финской культуры. Обстановка помещения, а также костюмы манекенов — воспроизводят типичные черты материальной культуры в колхозе¹⁹.

В этом описании также любопытна извиняющаяся интонация автора путеводителя — музейный показ интерьера современного финского жилища в идеале должен был соединять в себе признаки национальности и культурности (занимающей в этом случае позицию социалистического) и свидетельствовать о сближении города с деревней. В аналогичных сценах в других экспозициях размещались разные предметы народного искусства (вышивки, полотенца, подзоры, игрушки, элементы национального костюма и пр.) вместе с часами, радио, книгами и другими символами городской культуры. Народное творчество и искусство было призвано не только показывать специфику советских национальных культур, но и воплощать собой новый — эстетизированный — быт, в условиях которого только и возможно воспитание «нового человека».

Советская культурная политика также ставила своей целью сделать доступными широким слоям населения разные художественные практики. Все выставки, начиная с узбекской, показывали появление новых форм профессионального искусства — театра и литературы, недоступных ранее крестьянам и «националам». Эти темы выделялись тем, что допускали определенный акцент на личностях артистов и литераторов. Например, на еврейской экспозиции демонстрировались фотографии еврейских поэтов и писателей, отмеченных правительственными наградами²⁰. Рассказ о театрах акцентировал разнообразие их репертуаров: пьесы на фольклорные и исторические «национальные» сюжеты сочетались с постановками произведений русских и западноевропейских классиков²¹. Предметами экспонирования становились и различные формы художественной самодеятельности (колхозные хоры, ансамбли народных инструментов и т.д.). На выставке «Русское население черноземных областей» (1936) впервые стали широко использовать фольклор (прежде всего частушки) в качестве иллюстративного материала. Были введены материалы

18 АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 496. Л. 18.

19 Там же. Д. 497. Л. 27—28.

20 См.: АРЭМ. Ф. 9. Оп. 3. Д. 5. Л. 33.

21 См.: АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 689. Л. 14.

по советскому народному декоративно-прикладному искусству — узорному тканью, ковровому производству, елецким кружевам, скопинской керамике и пр.²² В последующих выставках ГМЭ экспонирование фольклорных текстов и предметов современного народного декоративно-прикладного искусства стало общим местом.

Советским властям было свойственно убеждение, что народ может усвоить социализм только в национальной форме [Slezkine 1994: 417—418]. Поэтому в ассортименте продукции советских народных художественных промыслов сотрудники музея особое внимание уделяли предметам, в декоре которых отражалась «новая тематика»: сцены из колхозной и городской жизни, портреты вождей, серпы, молоты, звезды и т.д. В таких произведениях наиболее отчетливо воплощались идеологические установки социалистического реализма — участие в «борьбе за завтрашний день», показ будущего в настоящем, «должного как действительного» [Луначарский 1938: 17; Синявский 2003: 165]. Можно сказать, что именно в советском народном искусстве сложился искомый синтез «социалистического содержания» и «национальной формы» — современности и традиции: утилитарная функциональность вещей, пропаганда революционных символов и достижений в их декоре творческим усилием художника соединялись с традиционной формой, материалом, стилистикой, техникой изготовления или орнаментом. Проблема, однако, заключалась в том, что на экспозиции этот синтез служил только воспитанию и культурному досугу «нового человека». Предметы советского народного искусства отсутствовали в экономическом подразделе и, таким образом, не были частью трудового подвига как конституирующего стахановца события.

Отметим, что при экспонировании произведений советского декоративно-прикладного искусства имена их творцов не акцентировались. Во всех просмотренных путеводителях и текстах экскурсий ни один предмет народного искусства не рассматривался с точки зрения художественного мастерства или идейного замысла автора произведения. Такой анонимизирующий подход, обычный для экспонирования традиционной сельской культуры, должен был, с одной стороны, подчеркнуть органичную связь «национальной формы» современной культуры народа с лучшими традициями народного искусства прошлого и, с другой стороны, презентовать советское декоративно-прикладное искусство как «народное», то есть выражающее чувства всех членов некоторой этнической общности.

Любопытно сравнить формы выражения благодарности Сталину и партии в двух подразделах экспозиций. В сельскохозяйственной части благодарность высказывалась публично в эпистолярной форме от лица «новых людей». Такое обращение соответствовало доминирующему положению медиума письма в советской культуре 1930-х годов (см.: [Мурашев 2000: 599—601]). При показе культурного строительства выражением «любви, доверия и благодарности» всего народа по отношению к своим «вождям» служили произведения народного декоративно-прикладного искусства²³. Особенно отчетливо эту мысль выражали предметы с портретами Сталина, Ленина, Молотова, Калинина и других высокопоставленных чиновников (вышивки, ковры, резная кость и пр.). Подобная форма выражения благодарности была более чувственной и эмо-

22 См.: АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 615. Л. 19—20.

23 См.: АРЭМ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 142. Л. 21.

циональной, чем шаблонное письмо по поводу хозяйственных задач и производственных успехов (см.: [Савин 2016: 136—138]).

4. Повесть о «новом человеке»

Народное искусство, однако, только косвенным образом компенсировало «бумажный», плоскостной и зачастую лишенный этнической специфики образ «новых людей» в экономических подразделах выставок. Как уже отмечалось выше, на экспозициях ГМЭ второй половины 1930-х годов было устроено большое количество обстановочных сцен. В советских разделах манекены изображали типичных советских граждан в разных жизненных ситуациях — на работе в поле или на заводе, в домашнем интерьере, на отдыхе и в обстановке сельского праздника. Несмотря на идеализацию, в персонажах сцен сложно было видеть именно «новых людей» из-за их обезличенности и обобщенности. В этом можно снова усмотреть свойственное этнографическому музею стремление к анонимизирующему показу. В ленинградском Государственном музее социалистической реконструкции сельского хозяйства, например, к середине 1930-х годов сложился другой подход. Так, на экспозиции этого музея была представлена диорама «Уборка урожая в крупном социалистическом хозяйстве» с комбайном, на который сотрудники музея «поставили человека, даже целую бригаду людей, и не каких-нибудь людей, а конкретных, имеющих имя, фамилию, “ударников соцстроительства”, знатных людей» [Околович 1935: 21].

В ГМЭ не пошли по этому пути. Альтернативным решением стали «фабульные» экскурсии, в которых на примерах нескольких поколений одной вымышленной семьи показывали жизнь до и после Октябрьской революции. Чтобы увидеть в манекене не безликое обобщение, а типическую личность — «нового человека» — ему надо было дать имя и биографию, сделать его действующим лицом повести (см.: [Крюкова, Студенецкая 1971: 52]). Такой подход в конце 1930-х годов предложила Е.Н. Студенецкая, заведующая отделом Кавказа. Первая «фабульная» экскурсия — «Повесть о маленькой Маисхон» — рассказывала о трех поколениях узбекской семьи с середины XIX века до 1930-х годов. Похожие экскурсии разрабатывались и для некоторых других выставок, преимущественно для детской аудитории. Экскурсия по экспозиции «Народы Северного Кавказа в прошлом и настоящем» (1939) называлась «Сто лет жизни Ахсара». Среди экскурсий, созданных для работы на русской выставке, отметим «Два детства» и «Судьбу маленькой Анюты»²⁴. Для экспозиции историко-бытового отдела «История СССР в XVIII в.» были разработаны фабульные экскурсии «Арап Петра Великого» и «История крепостной семьи» (см.: [Там же]).

Во всех этих этнографических «повестях» (за исключением относящихся к XVIII веку) сюжет строился на противопоставлении старшего поколения, страдавшего в дореволюционные времена, поколению внуков — воспитанному в условиях социализма и воплощающего в себе идеалы «нового человека». Так, старшая Маисхон родилась еще в феодальной Бухаре и погибла во время Среднеазиатского восстания 1916 года, а младшая Маисхон — ее внучка — «занималась парашютным спортом, строила Ферганский канал, избирала в Советы, словом, по воле экскурсовода, делала все то, о чем особенно важно было

24 См.: АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 723. Л. 72.

рассказать слушателям в текущий момент» [Там же]. Три поколения семьи ответственности трем разделам экспозиции, посвященным жизни узбеков при феодализме, капитализме и социализме. Символическая связь имен подталкивала к сравнению женской судьбы до и после революции.

Рассмотрим подробнее экскурсию «Сто лет жизни Ахсара», также подготовленную Студенецкой. Кабардинский князь после успешного набега на осетинское село продает плененного мальчика Ахсара в рабство богатому балкарцу. После освобождения он работает батраком у карачаевца и рабочим на рудниках у русского фабриканта. Его тяжелой жизни приходит конец только с окончанием Гражданской войны, в которой он участвует на стороне советской власти. Его сын Чермен работает председателем колхоза, а внук Бейбулат — трактористом в бригаде прославленного орденоносца Мылыха Цораева. Когда последнего отправляют учиться в Москву, бригадиром становится Бейбулат: он «бережет опыт Мылыхо, накапливает свой. По его инициативе колхоз вызывает на соревнование колхозы Карачая и Балкарии»²⁵. Жизнь Бейбулата иллюстрируется материалами обстановочной сцены «Обед в поле», портретом Мылыха Цораева и щитом с фотографиями, показывающими зажиточную жизнь. На старости лет Ахсар занялся резьбой по дереву и изготовил красивую трость:

В ней целый рассказ о жизни осетинского народа. Осетинский народ жил опутанный змеями угнетения и невежества. У одной из этих змей голова Николая II. <...> Но народ не смирился, боролся и победил. Вот подавлено прошлое — поп, офицер; на развалинах прошлого вырос новый человек с книгой в руках и с конем, готовый к учебе и борьбе²⁶.

В действительности эту трость сделал известный в Северной Осетии «наивный» художник Сосланбек Михайлович Едзиев (1865—1953).

Описание дома Каракулака — старинного друга Ахсара — продолжает тему народного декоративно-прикладного искусства и увязывает ее с художественной самодеятельностью и фольклором:

В уютном домике живет старик. Молодая жена его внука разрисовала весь домик узорами. Она мастерица выдумывать узоры. Она делает чудесные ковры. В нее видно пошел и сын — лучший кружковец Дома художественного воспитания детей. На праздники берут ковры ее работы. На лучшие праздники едет она, как мастерица. Едет вместе со старым певцом. Песни его передают по радио, по его рассказам пишут пьесы²⁷.

Экспозиционной опорой для рассказа служит обстановочная сцена «Дом колхозника».

Отсылка к кавказскому долголетию позволила Студенецкой поместить в личную историю Ахсара смену трех формаций от феодального рабства и капитализма к социализму. Но «новым человеком» является не сам Ахсар, а его внук Бейбулат. И в этом качестве он был помещен в обстановочную сцену экономического подраздела. В культурном подразделе мы не находим взрослых активных мужчин, но видим стариков, женщин и детей, занимающихся народным искусством. Искусство тем не менее не лишено важных функций:

25 АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 763. Л. 13.

26 Там же. Л. 13 об. — 14.

27 Там же. Л. 15.

оно служит формой самовыражения, символом культурной преемственности, средством женской эмансипации и советского воспитания детей. Отметим, что в интерьерах жилища на других экспозициях взрослые мужчины обычно присутствовали. Фабульная экскурсия по русской экспозиции, например, скорее всего, обыгрывала фигуру молодого мужчины во главе стола в интерьере «Жилище колхозника» как «нового человека», пришедшего домой после работы.

Таким образом, при помощи «фабульной» экскурсии экспозиция превращалась в пространство соцреалистической повести, а манекены на ярких обстановочных сценах становились личностями с именами и жизненными историями. Биографическое время конкретных персонажей становилось ареной классовой борьбы и смены марксистских формаций. Вместе с тем в советском разделе выставки «новые люди» — младшее поколение героев экскурсии — овеществлялись и насыщались атрибутами национальной культуры: на них надевали отдельные элементы национального костюма, их помещали в интерьеры, украшенные предметами народного искусства, и в региональный ландшафт, показанный живописными панно и диорамами.

5. Темпоральная структура «нового человека»

Порядок пространственного размещения стахановцев в музейной экспозиции отразил темпоральную структуру их идеологического образа. Советские «новые люди», представленные в экономическом подразделе, были противопоставлены дореволюционной «отсталости» и «пережиткам прошлого» вроде кулаков, сопротивлявшихся коллективизации. В их лице социализм пришел на смену традиционному быту народов Российской империи. Иными словами, переход из дореволюционного отдела в советский при осмотре экспозиции воплощал в себе темпоральность модернизации или, по выражению Ф. Хирш, поддержанного государством эволюционизма [Hirsch 2005].

Раздел социалистического строительства, однако, отразил в своей структуре и другую темпоральность — онтогенез стахановца. Логика пространственного порядка здесь оказалась нарушена, так как воспитание и детство «нового человека» показывалось во втором подразделе — культурном, а он сам демонстрировался в первом — экономическом. Иной порядок разрушил бы выгодное сравнение дореволюционного быта с достижениями советской экономики и марксистскую логику движения от базиса (экономики) к надстройке (культуре). Вместе с тем именно в культурном подразделе при помощи искусства был найден приемлемый синтез национальной специфики, требующей преемственности с прошлым, и социалистической модернизации, провозглашающей разрыв с традициями. Этот синтез был необходим, так как, по мнению большевиков, советское воспитание «стихийных» людей из народа (и их не менее «стихийных» детей) требовало не только строгого надзора и совета со стороны «сознательных» отцов, но и упаковки марксистского содержания в доступную «народную» форму.

Необходимо отметить, что онтогенез стахановца не понимался только как биологическое взросление — воспитание «нового человека» подразумевало прежде всего внутренний переход от «стихийности» к «сознательности». Как следствие, стахановцем мог быть и пожилой человек, «омоложенный» свободным социалистическим трудом. Результаты такого воспитания или «переков-

ки» — трудовые подвиги — были ключевой частью биографических нарративов «новых людей» и показывались в экономической части выставок. Согласно тематико-экспозиционному плану, на экспозиции «Узбеки в прошлом и настоящем» (1937) была приведена выдержка из беседы с орденоносцем, звеньевым Файзуллою Юнусовым:

Я хочу, чтобы наши вожди знали, что в колхозе старики помолодели. Мне уже 62 года, но я старости не чувствую и работаю лучше молодых. Труд я полюбил только в колхозе. Разве можно было раньше любить работу, которая тебя мучила, а другим украшала жизнь. Наше звено дало урожай в 57 центнеров с га. Главный секрет моего звена заключается в том, что мы не выделяем самой важной работы. У нас все работы самые важные²⁸.

Чтобы понять истоки рассматриваемой темпоральной структуры, я обращаюсь к самому авторитетному идеологическому тексту про стахановцев — речи Сталина на первом всесоюзном совещании рабочих и работниц-стахановцев 1935 года. Согласно Сталину стахановцы — это «люди новые, особенные». Они появились только благодаря революции и советской власти, отменившей эксплуатацию и добившейся коренного улучшения материального положения рабочих [Первое всесоюзное 1935: 368—370]. В этом контексте стахановское движение предстает историческим феноменом, возникшим в процессе перехода от капитализма к коммунизму и предвосхищающим последний.

По мысли Сталина, стахановское движение «развилось не в порядке постепенности, а в порядке взрыва, прорвавшего какую-то плотину» [Там же: 371]. Для преодоления препятствий надо было перестать «играть в отсталость» и «сломить консерватизм некоторых наших инженеров и техников, сломить старые традиции и нормы и дать простор новым силам рабочего класса» [Там же: 371—372]. Противники стахановцев, таким образом, дискурсивно связывались Сталиным с отсталостью, консерватизмом и традициями.

Сталин, однако, начинает характеристику значения стахановского движения не с борьбы с устаревшими нормами, а с его определения как нового, высшего этапа социалистического соревнования. От «старого этапа» стахановское движение выгодно отличалось наличием новой техники и ее освоенностью [Там же: 363]. Такая темпоральность подразумевает уже не противопоставление «вредных» традиций «полезным» новациям, но скорее «борьбу хорошего с лучшим» (одних новаций с другими). В сталинской характеристике отразилась специфика ударного и стахановского труда — постоянное превышение норм, преодоление результатов своих прежних трудовых подвигов или рекордов товарищей по движению [Hanson 1997: 165—171].

Как можно заметить, темпоральные структуры идеологических образов стахановца в речи Сталина и в музейной экспозиции совпадают в противопоставлении прошлого и настоящего, традиционного и социалистического времени и утверждении их исторической смены. Этнографическим аналогом устаревших норм и консервативных инженеров оказалась «отсталость» традиционных обществ, угнетаемых «прислужниками капитала». Также сходство обнаруживается во внимании к биографическому времени стахановцев, разделенному их личными подвигами на «до» и «после».

28 АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 479. Л. 68.

Основной проблемой сталинской модели стахановца можно назвать отсутствие положительного образа традиции, позволяющего адекватно вписать «новых людей» в советские национальные культуры. Как следствие, в культурном подразделе этнографических экспозиций стахановцы если и присутствуют, то виртуально — в виде детей, правильное воспитание которых порождает следующее поколение «новых людей». Таким образом, конститутивные для идеологического образа стахановца неприятие традиции и резкий разрыв с прошлым стали причиной темпоральной дистанции между «новым человеком» и национальными/этническими культурами: в исторической перспективе они оказались вытесненными в дореволюционный быт, а в онтогенетической — в сферу советского воспитания и детский быт.

Заключение

Тема «нового человека» появилась в этнографическом музее в годы Большого террора и ознаменовала собой высшую точку идеологического давления на работу ГМЭ. Показ стахановцев в музее, впрочем, не только был частью пропагандистской кампании за социалистическое отношение к труду, но также служил проводником идеологических представлений о советском «новом человеке», выражал определенный взгляд на прошлое, настоящее и будущее. Репрезентация стахановцев в этнографическом («национальном») контексте высветила структурное противоречие во внутренней политике Советского Союза. Если национальная политика работала скорее в качестве «пряника», поощряя «коренизацию» управленческого аппарата и поддерживая национальные культуры, то централизованная плановая экономика функционировала в качестве «кнута», продвигая форсированную индустриализацию и коллективизацию. Это противоречие имело темпоральный аспект. Национальная политика исходила из преимущества настоящего и прошлого, в то время как экономическая политика основывалась на разрыве с прошлым в пользу устремленного в будущее настоящего. Идеологический образ стахановца, соответственно, был продуктом экономической модернизации и воплощением марксистской темпоральности. Исторически стахановец явился закономерным итогом социального развития и смены общественно-экономических формаций, а на уровне повседневной жизни — борцом с пережитками прошлого за коммунистическое будущее. В таком качестве он не мог стать органичной частью национальной политики и этнографической экспозиции.

Отчасти сгладить разнообразные изъяны и противоречия в репрезентации стахановца получалось при помощи искусства — продукции советских народных художественных промыслов, обстановочных сцен и «фабульных» экскурсий. Искусству удавалось объединить «национальную форму» и «социалистическое содержание», а плоскостной материал, отсылающий к газетам и политпросветительским выставкам, дополнить уместными в этнографическом музее объемными вещами. «Фабульные» экскурсии, наконец, увязывали биографическое время «новых людей» с историческим процессом в рамках марксистской парадигмы. В соответствии с духом эпохи искусство в этнографическом музее должно было находить и пропагандировать красоту новой жизни, но в реальности его функция скорее состояла в восполнении недостатков и снятии противоречий посредством эстетики социалистического реализма (см.: [Гюнтер 2010; Dobrenko 2007]).

Сокращения

АРЭМ — Архив Российского этнографического музея (г. Санкт-Петербург)

ГМЭ — Государственный музей этнографии

Архивные источники

- АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 420. Описание коллекции чугуна и стали, собранная в г. Керчи. 1932 г.
- АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 479. Статьи, заметки, копии документов, собранные к экспозиции «Узбеки в прошлом и настоящем», тезисы к экспозиции. 1934—1936 гг.
- АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 496. Краткий путеводитель по выставке «Карелия и Кольский полуостров». 1935.
- АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 497. Путеводитель к выставке «Кольский полуостров». 1935 г.
- АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 566. Доклад о положении в этнографической науке с обзором экспозиционной деятельности этнографического музея. 1937 г.
- АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 568. Материалы (план, описание этнографической коллекции, отчет) о Северо-Белорусской экспедиции 1936 г.
- АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 599. Протоколы совещаний при директоре. 1937 г.
- АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 609. Материалы по организации выставки Туркмена в прошлом и настоящем. 1937 г.
- АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 615. Акт и заключение комиссии по приему выставки [русских] Черноземных Областей, рецензии и замечания на выставку. 1937—1939 гг.
- АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 630. Путеводитель по выставке «Русское население черноземных областей РСФСР». 1937 г.
- АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 689. М.Е. Глинка. Методическая разработка по экспозиции «Узбеки в прошлом и настоящем». 1938 г.
- АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 694. Методическая разработка К.Ф. Кирилловской и Н.А. Федоровой по выставке «Центральные черноземные области». 1938 г.
- АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 723. Отчет Государственного музея этнографии за 1939 год. 1939 г.
- АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 763. Методическая разработка Е.Н. Студенецкой по теме «Сто лет жизни Ахсара» по выставке «Народы Северного Кавказа в прошлом и настоящем». 1939 г.
- АРЭМ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 142. Этнографические очерки Т.А. Крюковой «Липецкая глиняная игрушка», А.С. Морозовой «Новая тематика в Туркменских коврах» и др. 1938 г.
- АРЭМ. Ф. 9. Оп. 3. Д. 5. Лекция Шахновича по экспозиции «Евреи в царской России и в СССР» для экскурсоводов (стенографический отчет). 1939 г.

Библиография / References

- [Бранденбергер 2011] — *Бранденбергер Д.* Сталинский популизм и невольное создание русской национальной идентичности // *Неприкосновенный запас*. 2011. № 4. С. 17—33.
- (*Brandenberger D.* Stalinskiy populizm i nevol'noe sozдание russkoy natsional'noy identichnosti // *Neprikosnovennyy zapas*. 2011. № 4. P. 17—33.)
- [Гаген-Торн 1934] — *Гаген-Торн Н.И.* Белорусская выставка Этнографического отдела Русского музея в Ленинграде // Советский музей. 1934. № 1. С. 65—68.
- (*Gagen-Torn N.I.* Belorusskaya vystavka Etnograficheskogo otdela Russkogo muzeya v Leningrade // *Sovetskiy muzey*. 1934. № 1. P. 65—68.)
- [Гринкова 1937] — *Гринкова Н.П.* Быт Воронежской колхозной деревни (по материалам экспедиции в Воронежскую область). Л.: ГМЭ, 1937.
- (*Grinkova N.P.* Byt Voronezhskoy kolkhozhnoy derevni (po materialam ekspeditsii v Voronezhskuyu oblast'). Leningrad, 1937.)
- [Грусман, Дмитриев 2014] — *Грусман В.М., Дмитриев В.А.* Из истории Российского

- этнографического музея: к 80-летию обретения самостоятельности // Музей, традиция, этничность. 2014. № 1. С. 6—24.
- (Grusman V.M., Dmitriyev V.A. Iz istorii Rossiyskogo etnograficheskogo muzeya: k 80-letiyu obreteniya samostoyatel'nosti // Muzey, traditsiya, etnichnost'. 2014. № 1. P. 6—24.)
- [Гюнтер 2010] — Гюнтер Х. О красоте, которая не смогла спасти социализм // Новое литературное обозрение. 2010. № 1. С. 13—31.
- (Günther H. O krasote, kotoraya ne smogla spasti sotsializm // Novoe literaturnoe obozrenie. 2010. № 1. P. 13—31.)
- [Диманштейн 1936] — Диманштейн С. О стахановском движении в национальных республиках // Революция и национальности. 1936. № 2. С. 16—25.
- (Dimanshteyn S. O stakhanovskom dvizhenii v natsional'nykh respublikakh // Revolyutsiya i natsional'nosti. 1936. № 2. P. 16—25.)
- [Долгова 2018] — Долгова Е.А. О биографии одного сталинского управленца: Ефим Абрамович Мильштейн // Новейшая история России. 2018. № 4. С. 912—924.
- (Dolgova E.A. O biografii odnogo stalinskogo upravlentsa: Efim Abramovich Mil'shteyn // Noveyshaya istoriya Rossii. 2018. № 4. P. 912—924.)
- [Комарова 1936] — Комарова М.Ф. Работать по-стахановски // Советский музей. 1936. № 1. С. 8—12.
- (Komarova M.F. Rabotat' po-stakhanovski // Sovetskii muzey. 1936. № 1. P. 8—12.)
- [КППВР 1939] — Краткий путеводитель по выставке «Русское население черноземных областей». Л.: Издание Государственного музея этнографии, 1939.
- (Kratkiy putevoditel' po vystavke "Russkoye naseleniye chernozemnykh oblastey". Leningrad, 1939.)
- [КППВЭ 1939] — Краткий путеводитель по выставке «Эвенки в прошлом и настоящем». Л.: Издание Государственного музея этнографии, 1939.
- (Kratkiy putevoditel' po vystavke "Evenki v proshlom i nastoyashchem". Leningrad, 1939.)
- [Крюкова, Студенецкая 1971] — Крюкова Т.А., Студенецкая Е.Н. Государственный музей этнографии народов СССР за пятьдесят лет советской власти // Очерки истории музейного дела в СССР / Сост. А.Б. Закс. М.: Советская Россия, 1971. С. 9—120.
- (Kryukova T.A., Studenetskaya E.N. Gosudarstvennyu muzey etnografii narodov SSSR za pyatidesyat let sovetскоy vlasti // Ocherki istorii muzeynogo dela v SSSR / Ed. by A.B. Zaks. Moscow, 1971. P. 9—120.)
- [Луначарский 1938] — Луначарский А.В. Социалистический реализм // Луначарский А.В. Статьи о театре и драматургии. М.; Л.: Искусство, 1938. С. 11—34.
- (Lunacharskiy A.V. Sotsialisticheskiy realizm // Lunacharskiy A.V. Stat'i o teatre i dramaturgii. Moscow; Leningrad, 1938. P. 11—34.)
- [Лысенко, Презент 1935] — Лысенко Т.Д., Презент И.И. Стахановское движение и задачи советской агробиологии // Яровизация. 1935. № 3. С. 1—12.
- (Lysenko T.D., Present I.I. Stakhanovskoye dvizhenie i zadachi sovetскоy agrobiologii // Yarovizatsiya. 1935. № 3. P. 1—12.)
- [Мурашев 2000] — Мурашев Ю. Письмо и устная речь в дискурсах о языке 1930-х годов: Н. Марр // Соцреалистический канон / Под общ. ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 599—608.
- (Murashev Yu. Pis'mo i ustnaya rech' v diskursakh o yazyke 1930-kh godov: N. Marr // Sotsrealisticheskiy kanon / Ed. by H. Günther, E. Dobrenko. Saint Petersburg, 2000. P. 599—608.)
- [На новом этапе 1934] — На новом этапе музейного строительства // Советский музей. 1934. № 1. С. 7—13.
- (Na novom etape muzeynogo stroitel'stva // Sovetskii muzey. 1934. № 1. P. 7—13.)
- [Околович 1935] — Околович Е.И. На новом этапе (О работе Государственного музея социалистической реконструкции сельского хозяйства) // Советский музей. 1935. № 1. С. 16—25.
- (Okolovich E.I. Na novom etape (O rabote Gosudarstvennogo muzeya sotsialisticheskoy rekonstruktsii sel'skogo khozyaystva) // Sovetskii muzey. 1935. № 1. P. 16—25.)
- [Околович Е.И. На новом этапе (О работе Государственного музея социалистической реконструкции сельского хозяйства) // Советский музей. 1935. № 1. С. 16—25.]
- [Первое всесоюзное 1935] — Первое всесоюзное совещание рабочих и работников стахановцев. 14—17 ноября 1935. Стенографический отчет. М.: Партиздат, 1935.
- (Pervoye vsesoyuznoye soveshchanie rabochikh i rabotnikov-stakhanovtsev. 14—17 noyabrya 1935. Stenograficheskiy otchet. Moscow, 1935.)
- [Петрашин 2018] — Петрашин С. Соцреализм и этнография: изучение и репрезентация советской современности в этнографическом музее 1930-х гг. // Антропологический форум. 2018. № 39. С. 143—175.
- (Petraшин S. Sotsrealizm i etnografiya: izucheniye i reprezentatsiya sovetскоy sovremennosti v etnograficheskoy muzee 1930-kh gg. // Antropologicheskiy forum. 2018. № 39. P. 143—175.)
- [Потапов 1932] — Потапов Л.П. Саяно-Алтайская выставка (Ленинград) // Советская этнография. 1932. № 3. С. 93—96.
- (Potapov L.P. Sayano-Altayskaya vystavka (Leningrad) // Sovetskaya etnografiya. 1932. № 3. P. 93—96.)

- [Румянцев 2011] — *Румянцев С.* Советская национальная политика в Закавказье: конструирование национальных границ, историй и культур // *Неприкосновенный запас*. 2011. № 4. С. 47—65.
- (*Rumyantsev S.* Sovetskaya natsional'naya politika v Zakavkaz'e: konstruirovaniye natsional'nykh granits, istoriy i kul'tur // *Neprikosnovennyy zapas*. 2011. № 4. P. 47—65.)
- [Савин 2016] — *Савин А.И.* Письма во власть как специфическая форма политической адаптации советского населения (1930-е гг.) // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2016. Т. 15. Вып. 8: История. С. 133—145.
- (*Savin A.I.* Pis'ma vo vlast' kak spetsificheskaya forma politicheskoy adaptatsii sovetskogo naseleniya (1930-e gg.) // *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. 2016. Vol. 15. Iss. 8: Istoriya. P. 133—145.)
- [Синявский 2003] — *Синявский А.Д.* Что такое социалистический реализм // *Синявский А.Д. Литературный процесс в России*. М.: РГГУ, 2003. С. 139—175.
- (*Sinyavskiy A.D.* Chto takoe sotsialisticheskiy realizm // *Sinyavskiy A.D. Literaturnyy protsess v Rossii*. Moscow, 2003. P. 139—175.)
- [Соловьева 1931] — *Соловьева В.* К вопросу о национальных этнографических выставках // *Советская этнография*. 1931. № 1—2. С. 149—152.
- (*Solov'eva V.* K voprosu o natsional'nykh etnograficheskikh vystavkakh // *Sovetskaya etnografiya*. 1931. № 1—2. P. 149—152.)
- [Фицпатрик 2001] — *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне: социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М.: Российская политическая энциклопедия, 2001.
- (*Fitzpatrick S.* Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization. Moscow, 2001. — In Russ.)
- [Шангина 1991] — *Шангина И.И.* Этнографические музеи Москвы и Ленинграда на рубеже 20—30-х гг. XX в. // *Советская этнография*. 1991. № 2. С. 71—81.
- (*Shangina I.I.* Etnograficheskie muzei Moskvy i Leningrada na rubezhe 20—30-kh gg. XX v. // *Sovetskaya etnografiya*. 1991. № 2. P. 71—81.)
- [Buckley 2006] — *Buckley M.* Mobilizing Stalin's Peasants: Heroines and Heroes of Stalin's Fields. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2006.
- [Clark 1977] — *Clark K.* Utopian Anthropology as a Context for Stalinist Literature // *Stalinism: Essays in Historical Interpretation* / Ed. by R.C. Tucker. New York: W.W. Norton and Company, 1977. P. 180—198.
- [Dias 1994] — *Dias N.* Looking at Objects: Memory, Knowledge in Nineteenth-century Ethnographic Displays // *Travellers' Tales: Narratives of Home and Displacement* / Ed. by G. Robertson, M. Mash, L. Tickner, J. Bird, B. Curtis, T. Putnam. London: Routledge, 1994. P. 164—176.
- [Dobrenko 2007] — *Dobrenko E.* Political Economy of Socialist Realism. New Haven: Yale University Press, 2007.
- [Fabian 1983] — *Fabian J.* Time and the Other: How Anthropology Makes its Object. New York: Columbia University Press, 1983.
- [Hanson 1997] — *Hanson S.E.* Time and Revolution: Marxism and the Design of Soviet Institutions. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1997.
- [Hirsch 2005] — *Hirsch F.* Empire of Nations. Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca: Cornell University Press, 2005.
- [Holmes 1902] — *Holmes W.* Classification and arrangement of the exhibits of an anthropological museum // *Science*. 1902. Vol. 16. № 404. P. 487—504.
- [Jacknis 1985] — *Jacknis I.* Franz Boas and Exhibits: On the Limitations of the Museum Method of Anthropology // *Objects and Others: Essays on Museums and Material Culture* / Ed. by G. Stocking. Madison: University of Wisconsin Press, 1985. P. 75—111.
- [Kelly, Volkov 1998] — *Kelly C., Volkov V.* Directed Desires: Kul'turnost' and Consumption // *Constructing Russian Culture in the Age of Revolution: 1881—1940* / Ed. by C. Kelly, D. Shepherd. Oxford, 1998. P. 291—313.
- [Krementsov 2021] — *Krementsov N.* Introduction: On Words and Meanings // *The Art and Science of Making the New Man in Early 20th-Century Russia* / Ed. by N. Kremntsov, Y. Howell. London; New York: Bloomsbury Academic, 2021. P. 1—23.
- [Payne 2001] — *Payne M.* Stalin's Railroad: Turksib and the Building of Socialism. Pittsburgh, 2001.
- [Shelton 2006] — *Shelton A.A.* Museums and Anthropologies // *A Companion to Museum Studies* / Ed. by S. Macdonald. Malden, MA; Oxford: Blackwell Publishing, 2006. P. 64—80.
- [Siegelbaum 1988] — *Siegelbaum L.H.* Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935—1941. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
- [Slezkine 1994] — *Slezkine Yu.* The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // *Slavic Review*. 1994. Vol. 53. No. 2. P. 414—452.
- [Timasheff 1946] — *Timasheff N.S.* The Great Retreat. New York: E.P. Dutton and Company, 1946.